

Архимандрит КИПРИАН (КЕРН)

О религиозном пути Александра Блока

Я заблудился как овца потерянная: взыщи раба твоего, ибо я заповеди твои не забыл.

Псал. 118, ст. 176

Один близкий Блоку человек * назвал его как-то одной из своих «безнадежных любовей». Думается, что все мы, «дети страшных лет России», можем то же сказать об этом поэте нашего времени. Мы выросли под обаянием его поэзии и приняли его, приняли до конца в каком-то порыве безнадежности.

Излишне говорить о том, что Блок признанный художник, что он уже вошел в русскую литературу, вошел со славою и встал в ряд с лучшими русскими поэтами. Блок — не просто поэт и драматург, критик и художник; он глубокий мистик, дерзновенный пророк, он поэт-теург. Религиозный характер его творчества, столь богатый по спектру своих настроений, не может быть так просто и легко обнаружен. Подходить к этим его настроениям с какой бы то ни было упрощенной, схематизированной меркой никак нельзя. Религиозный характер творчества Блока заслуживает более внимательного анализа, которого мы вправе требовать от будущего историка и критика, когда к тому представятся все возможности. «Блок, — говорит Андрей Белый, — душа столь огромная, что, овладей она тайными знаниями, она озарила бы светом Россию» **.

* Е. В. Аничков в письме к Пясту (*Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. Пб.: Атеней, 1923. С. 106, примеч.).

** *Белый Андрей.* Воспоминания о Блоке. Гл. IV // Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 3. С. 156.

Религиозные мотивы заметно пронизывают творчество Блока на всем протяжении его пути. И в стихах о «Прекрасной Даме», и в его драматических произведениях, в статьях и дневниках, письмах и заметках его записных книжек глубоко заложены религиозные интуиции. Правда, эти настроения не всегда равноценны.

В одном из писем к отцу (4, VI, 1902) студент-филолог Блок пишет: «...я приобрел большой плюс в виде знакомства с Мережковскими, которые меня очень интересуют с точки зрения религии и эстетики» *. В это время в Религиозно-философском обществе ставится «Ипполит» Еврипида в переводе Мережковского, и это для Блока «религиозное дело» **. Немного позднее он пишет отцу о занятиях на филологическом факультете и между прочим замечает: «Прежде всего существует черта, на которую ни один из моих профессоров до смерти не переступит; это религиозная мистика. Живя изо дня в день ею, я чувствую себя одно время нещадно гонимым за правую веру. Лучшее, что предлагалось взамен религии, была грамматика» ***. Блок думает писать зачетное сочинение «Сказания об иконах Богоматери». Это его годы исканий, приводивших его порой к мысли о самоубийстве. Записки об этом попадают в дневниках. Но и тут он не теряет веру. Мысль о насильственном прекращении жизни свидетельствует у него не о бунте против Бога, а об усталости в исканиях. Он не отступает от Бога в минуты даже самых мрачных своих переживаний. Нота религиозной веры, своеобразная, трагическая, полная боли звучит, как мы это увидим дальше, всегда. В архиве сохранилась одна записка на случай самоубийства (по-видимому, 1901—02 гг.). «В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее вполне “отвлеченны”, и ничего общего с “человеческими” отношениями не имеют. Верую в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь». Это годы наиболее сильного на него влияния поэзии и философии Владимира Соловьева, время близости с Сергеем Соловьевым и Андреем Белым. Они трое летом 1904 г. в Шахматове мечтательно ожидают «зори», бесконечно долго разговаривают о «Вселенском Соборе», «теократии», о грядущем Завете. В этом есть что-то от Иоакима дель Фьоре.

* Письма Александра Блока к родным. Л.; М.: Academia, 1927. Т. 1. С. 75.

** Там же.

*** Там же. С. 97.

Верю в солнце Завета,
 Вижу зори вдали,
 Жду вселенского света
 От весенней земли» * (I, 121).

Но этот период проходит, настроения меняются. После «зорь» вырастают «пузыри земли»; после «Прекрасной Дамы» — «Незнакомка», «Балаганчик», страшные прозрения III тома, глубина каких-то бездонных падений, отчаяние отступления. Как бы осуществляются опасения прежних светлых лет: «боюсь души моей двуликой» (I, 131). Муза теперь обращается к нему своим другим, исподним ликом. В напевах ее уже «роковая о гибели весть» и «проклятье заветов священных», «смех над верой» (III, 11), и вообще какой-то демонический привкус. В статьях и заметках также замутняется былой лазурный цвет его прозрений. Острый кризис овладевает всей душой Блока. Потом: война, шквал революции, мучительное восприятие крушения старого мира, надрыв «Двенадцати», томления последнего года жизни, опустошенность дерзаний и испепеленность души. Вот он страдальческий духовный путь поэта. Так ли уж легко разобраться в нем? Каково его религиозное качество?

Блок по происхождению, по связям и по культурному уровню принадлежал к избранникам в русской интеллигенции. Сын ученого-юриста и мыслителя Александра Львовича Блока; внук известного ботаника и ректора Петербургского университета в его наиболее славные годы Андрея Николаевича Бекетова и его жены, известной переводчицы и писательницы Елисаветы Григорьевны, рожденной Карелиной; через свою двоюродную бабушку Коваленскую он — дальний родственник Соловьевых. Сам А. А. женат на Любове Димитриевне Менделеевой, дочери известного химика. Он неотделим от своей культурной среды. Часто любят говорить об исключительно отрицательной роли интеллигенции в русском прошлом. Но огульные осуждения опасны и неверны. Очень рискованно, впрочем, на себя брать и труд защиты интеллигенции, как и вообще труд оправдания русского прошлого. Но сама историческая действительность вынесла свой приговор всем нам, приговор, может быть, гораздо более суровый, чем бы мог вынести самый строгий философ истории. Да и сама интеллигенция в лице своих наиболее чутких представителей беспощадно себя не раз осуждала, излишне поэтому

* Все стихи Блока цитирую по изданию: *Блок А. А. Собр. соч.*: В 9 т. Берлин: Эпоха, 1923.

повторять горькие истины; об отступничестве интеллигенции, об ее выпадении из руслу русской истории, удалении от Церкви, позитивизме. Как нигде здесь опасны обобщения и безусловные утверждения. В частности, безбожие и индифферентизм не суть качественный признак нашего культурного класса. Искания интеллигенции, ее способность к жертвенному подвигу, отвержение себя, страдальчество за униженного, врожденный идеализм, чуждый мещанскости, — все это свидетельствует о великой мощи ее духа. Искания Небесного Града и весь долгий и мучительный путь вспять от подполья к Церкви говорят о такой красоте и величии ее религиозного пафоса, пред которым нельзя не преклониться. В данной связи путь Блока — путь русской интеллигенции.

Богоискательство в те годы проходило вне стен нашей официальной духовной школы. Официальное богословие стояло в стороне от того, чем жила свободная религиозная мысль. Она томилась, волновалась, предчувствовала, дерзала на домыслы, но все это не проникало за высокие монастырские стены Академий. Очаги богословствовавшей мысли загорались вне границ патентованных учебников.

Хомяков, Федоров, Вл. Соловьев, Бердяев и Булгаков, Религиозно-философские собрания в Петербурге, Московское религиозно-философское общество в Зачатьевском переулке, такие же общества в Петербурге и Киеве, Кружок, посвященный Владимиру Соловьеву, так называемые «среды» Астрова, Христианское братство борьбы и со всем этим в теснейшей связи символисты в разных «Аргонавтах», «Грифах» и «Мусажетах» — все это яркий пламень искания в начальные годы века.

Глубина переживаний некоторых проблем, острота восприятия Евангелия в его полноте, апокалиптическое настроение некоторых мыслителей — все говорило о тоске по подлинной, живой и свободной религиозности. Тут был и уклон к сектантам и искателям, ко всем не дремлющим и духовно не успокоившимся; тут могли быть протесты против официальной церковности, против бытового характера ее, отвращение от эмпирической плоти Церкви. Но все это вопияло о глубоко заложенной любви ко Христу, к Евангелию, о подлинном религиозном пафосе. Уж не в духовной спячке и равнодушии нам винить этих людей.

Но тут нельзя не поставить сего вопроса: сколь положителен был этот ренессанс? Да и был ли это только ренессанс? Не было ли в нем гораздо больше чего-то больного, упадочного, декадентского?

Не были ли все эти символисты, предшественники и современники Блока и Белого, потерявшими свой путь людьми, с разбитыми жизнями, с неосуществившимися мечтаниями и испепеленными надеждами? Нельзя не признать, что глубоко несчастными и искалеченными были все эти мечтатели, искавшие какую-то особую реальность вне реальной жизни, тосковавшие по подлинной религиозной интуиции, и так и не прилепившиеся к церковной благодатной жизни, это были люди, потерявшие правильное направление и не нашедшие сами себя. Достаточно вспомнить несколько трагических судеб: О. Соловьева, Надежда Львова, Муни (С. В. Киссин), Есенин и Нина Петровская (эта последняя уже в годы эмиграции) — покончили самоубийством, Брюсов, отдавший дань спиритизму и морфию, Федор Сологуб — несомненно нечистый в смысле демонизма, Андрей Белый, мучимый навязчивой идеей отцеубийства, — и почти все они беспутно и страстно прожегшие свою жизнь в «Бродячих собаках». В религиозных исканиях — что особенно важно для моей темы — они все исходили из какой-то тоски по подлинной евангельской жизни, но обязательно вне исторической Церкви, и блуждали в мучительных поисках: одни искали правду у сектантов, другие чаяли «Третьего Завета», иные кончили католичеством (Вяч. Иванов, Петровская, Эллис), некоторые опустошили себя в исканиях антропософской правды у врат Штейнеровского Дорнаха. Беспощадно и зло сказал о них, да и о себе самом Владислав Ходасевич: «Маленькие ученики плохих магов (а иногда и попросту шарлатанов), мы умели вызывать мелких непослушных духов, которыми не умели управлять»*. Редко кто из этих «детей страшных лет России» пришел к Церкви, смиренно вошел в нее и принял весь ее двухтысячелетний опыт как Единое на потребу, как истинное и единое мерило вечной и Негибнущей Красоты.

Созвучно с этой частью русской интеллигенции был настроен и Блок в начальные годы века. Весь первый том его стихов наиболее проникнут религиозными исканиями и настроениями. Приводить примеры значило бы почти целиком переписать цикл стихов о «Прекрасной Даме». Тут Блок наиболее мистичен, может быть и сам того не замечая, как он это и высказал Белому летом 1904 г. в Шахматове: «Ты же напрасно так думаешь; вовсе не мистичен я; я не понимаю мистики»**. Как будто бы мистики боялся он и после. Так, в дневнике под 19 марта

* Ходасевич В. Ф. Некрополь. Брюссель, 1939. С. 103.

** Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. С. 264.

1912 г. он заносит: «Реальности надо нам; страшнее мистики нет ничего на свете» *. А вместе с тем всего через несколько дней, в Страстную субботу 24 марта, снова записывает: «Я хочу сказать, что самоубийств было бы меньше, если бы люди научились лучше читать небесные знаки» **.

Нет, Блок мистичен, временами и обостренно мистичен, как в годы «Прекрасной Дамы», так и позже, в 1910 году, например, когда он пишет свою замечательную статью «О современном состоянии русского символизма». Конечно, эта мистика далека от духовности и на ней нет печати церковного помазания.

Я не углубляюсь в самую тему о Прекрасной Даме. Это меня отвело бы слишком далеко. Напомню лишь, что «так просто» к ней не подойти. А она как символ особого этапа в духовном пути Блока далеко не безразлична. Белый замечает: «Прекрасная Дама непроницаема без вольфильства, без вольного философствования; в ней огромная философская тема» ***. Искания Блока в этой бласти — верное исследование философской традиции Соловьева, имевшей тогда на него особенно сильное влияние.

Для всего пути Блока существенно важно одно: искание Бога.

Еще в 1899 г. написано стихотворение, не вошедшее в последнее издание цикла о «Прекрасной Даме» и кончающееся строфой:

А я, ничтожный смертный прах
У ног твоих, смиренно буду
Искать в глубоких небесах
Христа, учителя Иуды.

К тому же году относится и стихотворение «Неведомому Богу», свидетельствующее о тех же исканиях пути из мрака к свету. Оно заканчивается так:

Не ты ли в дальнюю страну
В страну неведомую мне,
Введешь меня. Я в даль взгляну
И вскрикну: Бог! конец пустыне (1, 25).

Блок и дальше без отдыха несет свое тоскование о Боге (1, 28), и дух «летит навстречу помыслам Творца» (1, 31).

* Дневник Ал. Блока. Л., 1928. Т. 1. 1911—1913. С. 88.

** Там же. С. 89.

*** *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. С. 111.

Поэт иногда с особым упорством повторяет какую-нибудь излюбленную тему, стремление, например, уйти вон из этого мира, подальше от этой земли. Это настроение достигает порой особо сильного напряжения. У Владимира Соловьева есть такие строки:

И с криком ужаса и боли,
Железом схваченный орел, —
Затрепетал мой дух в неволе
И сеть порвал и ввысь ушел.

Так и Блок, как орел, чувствует свою возрастающую мощь, решительно взмахивает крыльями, забирает ввысь, но все же сила земного притяжения сильнее его, тянет долу, и, срываясь, он падает на лоно любимой Матери Земли. Вслушайтесь (22, X, 1900 г.):

Пора вернуться к прежней битве.
Воскресни дух, и плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни! (1, 44)

И через несколько дней (I, XI, 1900 г.):

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру (1, 45).

И снова та же мысль (15, XI, 1900 г.):

...пусть прошедшему забвенье,
Не в настоящей жизни смысл.

И Блок, «все тот же гость усталый земли чужой» (I, 51), посвящает О. М. Соловьевой (25.XI. 1900 г.) свое известное «Ищу спасенья».

Но наряду с этим в те же ноябрьские дни 1900 года мы находим у него и такие далеко влекущие признания:

Где новый скит? Где монастырь мой новый?
Не в небесах, где гробовая тьма,
А на земле... (1, 47)

Крылья вдохновенья слабеют, земля привлекла, орел опустился вниз. И как раз в те дни пишет Блок следующее свое замечательное признание:

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,

С холодной жаждой искупленья
 Стучался я в Господний Дом.
 Язычник стал христианином,
 И, весь израненный, спешил
 Повергнуть ниц перед Единым
 Остаток оскудевших сил.
 Стучусь в преддверье идеала,
 Ответа нет... А там вдали,
 Манит, мелькает покрывало
 Едва покинутой земли...
 Господь не внял моей молитве,
 Но чую, силы страстных дней
 Дохнули раненому в битве,
 Вновь разлились в душе моей.
 Мне непонятно счастье рая,
 Грядущий мрак, могильный мир...
 Назад! Язычница младая
 Зовет на дружественный пир! (1, 45—46)

Это стихотворение объясняет очень многое и предопределяет будущее на долгие годы. Правда, это не конец исканий. Решительное «назад» сменится еще не раз другими настроениями. Но эти томительные блуждания как бы заранее обречены на неудачу после постигшего разочарования, которого не забыть. На стук в Господний Дом ответа не последовало, — это надо твердо помнить, — и Блок так, кажется, и не нашел того, что искал. Но, по-видимому, и на дружественном пиру у язычников «эллины, боги бессонные» не дали ответа, не «разлили солнца». Бога он не нашел, не встретил. Блок сам признается через шесть лет (24.1X.1906):

И сам не понял, не измерил,
 Кому я песни посвятил,
 В какого Бога страстно верил,
 Какую девушку любил (II, 103).

То же повторяет он еще через год (24.X.1907):

И встречаю тебя у порога
 С буйным ветром в змеиных кудрях,
 С неразгаданным именем Бога
 На холодных и сжатых губах (II, 238).

И с неразгаданным именем Бога признался Блок В. Пясту, что Христа он не встретил*. Но разве это значит, что он Его и не искал? В «Песне Судьбы» Герман перед своим уходом из

* *Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. С. 30.

дому говорит Елене эти волнующие слова: «Я увидел огромный мир, Елена: синий, неизвестный, влекущий. Ветер ворвался в окно — запахло землей и талым снегом. И еще будто цветами, хотя ведь нет еще цветов. Солнце закатывалось, и холмы стали красные; а за холмами — синий, мгlistый простор, точно большое озеро раскинулось вдаль... Там плыла большая белая лебедь, с сияющими перьями... грудь прямо на закат...» (V, 161).

Герман — это сам Блок, и Блоку в его предрассветные годы привиделось чудное, зовущее видение, и он ушел от своего дома, от обыденности, от Елены, но и после встречи с Фаиной продолжал томиться и искать. Не всю ли жизнь напролет в ночном мраке блуждал он в поисках того чудного, синего неизвестного мира, в поисках Бога; искал, прельщался, обманывался, но не переставал жаждать Бога и Вечного Света.

* * *

Путь Блока — повторение пути всей русской интеллигенции, мятущейся и алчущей. Мы присутствовали при великом моменте в истории русской культуры. Нам было дано видеть и пережить возвращение русской интеллигенции к Церкви. Это путь долгий, нелегкий и полный препятствий. Нужно было разочаровываться, отречься от всех своих кумиров: от просвещения, от гегельянства, от позитивизма, от Писарева и Чернышевского, от Евгения Базарова и Марка Волохова. Долгий путь из «страны далече», из кружков и подполья.

Велика вина тех, что ушли в свое время от Церкви и что долго в своих исканиях предпочитали рожки вечной духовной пищи, но и велика и тяжела была расплата за грех. Изживание его в течение долгих лет было сопряжено с тяжелым угаром. Но если и велика была вина в уходе, то и при возвращении своем они не всегда встречали те широко открытые объятия, о которых мечталось, и той радости, что были они духовно мертвы и ожили, пропадали и нашлись. Очень часто на пороге Отчего Дома вместо радостного голоса Отца слышался горделивый упрек привратника. Тяжело было отношение некоторых официальных носителей церковности, подобное отношению приточного старшего сына. Вернувшись к церковной паперти, не смогли войти внутрь храма. Оттолкнул их холодный голос: «Оглашенные, изыдите!», голос, не пускавший их таких, какие они пришли из своего скитания: пыльных, искалеченных, *запоздавших*. И многое в этом Отчем Доме сильно резануло по сердцу и разочаровало.

Шли-то ведь к простоте Христовой, к свободе апостольской, к нищете евангельской, к Церкви катакомбной. Во все это поверили после стольких блужданий; это именно, а не что иное полюбили, как самую дорогую свою мечту. А на деле оказалось другое: вместо нищеты — сытость и сановность иерархии; вместо свободы — пленение государством и полное ему подчинение, и даже служение его интересам; вместо катакомб — богатейшие лавры в центре столицы с необъятными угодьями. Церковь стала ведомством; ее представителей осыпали милостями и почестями. Между живым словом апостольским и живыми душами стала мертвящая мысль цензора, по странной иронии названная духовной. Церковь, которая по самой сущности своей должна быть гонимой, стала заодно с гонителями. И многие церковники на пришедшую интеллигенцию взглянули свысока и только как на отщепенцев; ее духовного опыта не приняли; ее самое взяли под подозрение; на ее искания не смогли ответить.

Особенно было горько и обидно прислуживание иерархии государству и нередкое соприкосновение духовенства с Союзом русского народа и полицией. Блок замечает (26.XI.1908 г.): «Мы ненавидим православную черную сотню»*, и в одном письме к матери пишет: «Единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна»**. Наряду с этим коробило довольство и сытость официальных носителей церковности, сановитость князей Церкви. Конечно, многое обобщали; не замечали загнанных и полуголодных захолустных священников, а благополучие столичных кафедральных батюшек возводили в общее правило и сребролюбие некоторых в синоним духовного звания. Также и великую колыбель старчества — Оптину знали не все. За Киреевскими и Леонтьевым не многие пошли искать туда ответа на свои проблемы. Простеца из какой-нибудь захолустной пустыньки не сумели разглядеть за лаврскими образцами благополучия. Да и вообще не видели в церковной эмпирии многое светлое, что в ней было. Не найдя своей мечты в церковной обыденности, не увидели и того, что сияло светом, святостью и чистотой.

Вот осенью 1904 года Андрей Белый после своей поездки в Саров и Дивеев пишет: «Саров оставил в душе моей ноту какого-то гложащего разочарования: грубости монахов, открыто построивших благополучие жизни на слухах о чудесах, шесть гостиниц, наполненных людьми; все это осталось каким-то ба-

* Записные книжки Ал. Блока. Л.: Прибой, 1930. С. 102.

** Письма Александра Блока к родным. Т. 1. С. 257.

заром; но сосны Сарова и прядяющий животворный источник остались в памяти» *. Далее он тепло пишет о Дивееве.

Этим следует объяснить многие резкие выпады Блока против духовенства, и надо понять, что это не бунт против Церкви. Это направлено не против священства как такового. Это лишь слово раздражения против отдельных конкретных фактов. И немало его у поэта, что и говорить! Но это возмущение против эмпирической плоти Церкви, а не против благодатной жизни в ней. Это против жречества и левитства написал Блок свою памятную строфу в «Двенадцати»:

Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ? (IV, 12)

В статье «Интеллигенция и Революция» поэт пишет не менее резко: «Почему дырявят древний собор? Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой» (VII, 132). В Церкви, конечно, взятки не брали и водкой не торговали, но «ожиревший поп» — это символ священников, примиривших в своей пастырской совести Евангелие с полицейским режимом.

Немало у Блока горьких слов и по поводу «платы за требы», которые часто превращаются в известной обстановке в гонорар профессионалу и стоят на границе чего-то грубого.

«Умереть легко: умирать можно безболезненно; сейчас в России как никогда. Можно даже без попа; поп не обидит отпечальной взяткой» (VII, 130). Разве, в самом деле, не коробит в минуту соприкосновения со святейшим таинством смерти вся отвратительная бутафория бюро похоронных профессий и равнодушные священника-профессионала?

В дневнике записано о панихиде по деде Н. Н. Бекетове (1.XII.1911): «На вчерашней панихиде, несмотря на мерзость попов и певчих, было хорошо; неуютно лежит маленький, седой и милый старик» **. И по поводу другой панихиды сказано: «Днем (19.III.1912 г.) я на панихиде по А. П. Философовой. Опять зверогласование попов» ***. Или в «Исповеди язычника»

* *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. С. 109.

** Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 47.

*** Там же. С. 88.

еще резче: «Не знаю, надолго ли, но русской церкви больше нет. Церкви нет, но храмы не заперты и не заколочены; напротив, они набиты торгующими и продающими Христа... Церковные мазурики опаснее для меня кофейных... И я тоже ходил когда-то в Церковь. Правда, я выбирал время, когда церковь пуста, потому что обидно и оскорбительно присутствовать при зверогласовании нестриженных и озабоченных наживой людей» (IV, 144—145).

Но тем не менее это не богоборчество и не осмеяние святости, ибо наряду с этим у Блока можно найти глубокие размышления о символике таинств; или же он способен умиляться «немноголюдной и трогательной панихидой» в углу Исаакиевского собора и обрядами при крещении. Даже некоторые бытовые мелочи ему не чужды. Он записывает (14. XI. 1911) в дневник: «Я возвращаюсь домой, по старой памяти перекрестясь на Введенскую церковь» *, и пишет матери об устройстве своей семейной квартиры, про заботы об образах, лампадах и т. д. **

Не только то, что Блок, подобно массе интеллигенции, был при встрече с исторической Церковью разочарован ее удаленностью от того, что предносилось в их мечтах, отдалило его от Церкви. Интеллигенция чувствовала и свою идеологическую обособленность от официальных представителей церковности и богословской науки. Прекрасно понимали, что проблемы, волнующие сознание многих, часто были совершенно несозвучны с направлением мысли церковных богословов. Особое направление русской религиозной мысли, воскресившее в религиозном сознании наилучшие традиции православного гнозиса, не влилось в церковно-академическое русло. Известные религиозно-философские объединения интеллигенции в начале этого века были лишь продолжением этой традиции, и наряду с духовной школой бился очень мощный пульс религиозной мысли, свидетельствующий о глубоких источниках духовной жизни в интеллигенции. Эти искания и напряжения мысли накопили немалый опыт для будущих дерзаний, но канонизованная наука этот опыт и эти дерзания отвергла.

Интеллигенция прекрасно чувствовала, что она далека от церковных традиций и что для сближения трудно найти общую почву. Но и официальные богословы не сумели подойти с достаточным доверием к ищущим истины мыслителям и не нашли понятного им языка. Вот как жалуется Блок в своей статье

* Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 33, 110, 174, 38.

** Письма Александра Блока к родным. Т. 1. С. 92.

«Ирония»: «И все мы, современные поэты, у очага страшной заразы. Все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне. Той безмерной влюбленностью, которая для нас самих искажает лики наших икон, чернит сияющие ризы наших святых. Нечему сказать нам спасительное слово, ибо никто не знает силы нашей зараженности. Какой декадент, какой позитивист, какой православный мистик поймет всю обнаженность этих моих слов. Ведь это крик о спасении» (VII, 112). И пастыри не слышали этот крик о спасении.

В своих исканиях немногие из интеллигентов, повторяю, нашли дорогу в монастырь, и не повторилось в те дни в Оптиной пустыни встречи новейших мыслителей со старцами, как во времена Леонтьева и о. Амвросия. Среди столичного духовенства мало было таких, которые были бы с доверием приняты интеллигенцией. И не многие из наших выдающихся иерархов оценили это религиозное возрождение нашего культурного класса и ответили на него с достаточной пастырской чуткостью. Иногда они даже и отпугивали «блудных сынов» своими заявлениями и действиями. С одной стороны, памятно сотрудничество архиеп. Сергия (митроп. Московского) с петербургскими религиозно-философскими собраниями; с другой — вспоминается не создавшая единомыслия и созвучности переписка между еп. Антонием (Храповицким) и авторами сборника «Вехи» (собственно с Н. Бердяевым)*.

Этот разлад между церковью и обществом Блок переживал очень остро. Интересно то, что, не будучи сам церковно настроенным, или, как он говаривал, «истинно христианствующим», Блок не уходил ни в какую официальную оппозицию церкви, ни в какую секту. Ему были чужды фрондирующие против церкви группировки. Они могли лишь на короткое время заинтересовать и возбудить любопытство. Но в них, по-видимому, поэт не мог найти себе утешения и разрешения волнующих его вопросов. Во всяком случае, ему были органически противны бесконечные словопрения «по поводу» христианства и религии. Вначале он как будто еще верит в какую-то миссию интеллигенции и ждет от нее чего-то. В статье «Вопросы, вопросы, вопросы» он пишет: «Религ.-философскому Обществу надо забыть свои распри с церковью, забыть свои вероисповедные разногласия и мужественно начать “миссию” среди интеллигенции,

* Полн. собр. соч. архиеп. Антония. СПб., 1911. Т. 3. С. 552—568 и открытое письмо Н. Бердяева в «Московском еженедельнике» (1909. 13 марта).

твердо веруя, что последняя преисполнена воистину религиозным пафосом, что, м. б., и бессознательно, она носит в сердце своего живого Бога» (VII, 48). Поэт не ошибся, что интеллигенция поистине носила в себе своего живого Бога, но он переоценил ее способности в то время. Он иногда очень резко критикует отвлеченные споры о христианстве и бесплодность умственных потуг некоторых новых «учителей»; он сам становится в оппозицию к интеллигенции. Он главным образом сознавал, что социальное зло и историческая действительность слишком громко вопиют о том, что никак нельзя согласовать ни с благополучием и сытостью проповедников Евангелия, но и ни с доктринерством некоторых оппозиционеров и теоретиков христианства. Вот как картинно пишет он в статье «Религиозные искания и народ» (1907 г.) об этих собраниях интеллигенции: «Теперь они <т. е. писатели и интеллигенты> опять возобновили свою болтовню; но все эти образованные и обозленные интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе, их супруги и свояченицы в приличных кофточках, многодумные философы и лоснящиеся от самодовольства попы знают, что за дверями стоят нищие духом, которым нужны дела. Вместо дел — уродливое мелькание слов. Тоненький священник в бедной ряске выкликает Иисуса, — и всем неловко, “неприлично” — переглядываются. Честный социал-демократ с шишковатым лбом злобно бросает десятки вопросов; в ответ — лысина, елеем помазанная: нельзя, дескать, сразу ответить на столько вопросов. Все это становится уже модным, доступным для приват-доцентских жен и для благотворительских дам. А на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, их вешают. И в стране реакция. А в России жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы все эти болтуны в лоск исхудали от своих исканий, никому на свете, кроме “утонченных натур”, ненужных, — ничего в России бы не убавилось и не прибавилось!» И несколько дальше добавляет: «Но ведь они говорят о Боге, о том, о чем можно плакать одному, или... мало как; но не в этой безобразной, разваливающейся людской каше, не при этом обилии электрического света... Это тоже своего рода потеря стыда» (VII, 73—74).

В одной из своих записных книжек в 1908 г. Блок замечает: «Я знаю, что здесь (т. е. в Рел.-Философ. Обществе) соберутся цвет русской интеллигенции и цвет Церкви. У Церкви спрашивать мне решительно нечего. Я чувствую кругом такую духоту, такой ужас во всем происходящем...» И затем замечает: «Нечего радоваться тому, что два-три человека, как В. В. Розанов и В. А. Тернавцев, интересуются друг другом и слушают друг

друга. Их спор — замечательный спор, но его можно слушать только в более благополучное время. Теперь все слишком неблагоприятно»*.

Блок в то время уже ясно ощущает нависший над миром мрак грозowych туч. Настроение его все более становится тревожным. Андрей Белый говорит о нем: «Блоку была вовсе чужда историческая проблема религии, особенно историческое христианство; апокалиптическое настроение преобладало в нем явственно; апокалиптическое настроение было формой всегда ему свойственного максимализма; наоборот, Мережковский, рыкающий громко: гряди! апокалиптизировал схемами; история перевешивала в нем все прочее»**.

Блок не сумел найти в Церкви пророческого огня. Он не угас, но, подернутый мягким слоем пепла, он был скрыт от взора поэта. Казалось, да, впрочем, разве и не кажется временами и теперь, что и самого христианства уже больше нет? Но оно под спудом, под мягким, пушистым слоем исторической обыденщины. Его надо искать; и жаждущие его находят.

«Господь не внял молитве» поэта, на стук в Господень Дом никто, казалось, не ответил. И Блок отходит от него; но отход не есть отречение, а только лишь новое и мучительное искание. Жажда Церкви, не как эмпирической организации, а как мистической жизни, не умерла; мистическое не перестало звучать в душе и звать, искать эту тайну. Больше того: была жажда служения и какого-то активного участия в этой таинственной, теургической жизни. В год Прекрасной Дамы он как «отрок зажигает свечи и огонь кадильный бережет» (I, 145) или

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, хранил огонь лампад...
...здесь один хранил и теплил свечи.
Один пророк дрожал в дыму кадил (I, 173).

В годы «Возмездия» эти теургические дерзания его крепнут еще больше, и тогда становятся понятными следующие строки его неоконченной поэмы:

Пусть церковь темная пуста,
Пусть *пастырь спит*; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу (IV, 58).

* Записные книжки Ал. Блока. С. 92, 93.

** *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. С. 189.

Сон пастыря, ржавый ключ, алая заря притвора и *своя* обедня — все это слишком ясные символы, подтверждающие сказанное.

* * *

Трудные личные переживания Блока также оставили свой глубокий след на его религиозном облике. Его личный путь, полный ухабов и раскатов, одарил нас стихами напряженной музыкальной страстности и нотами звенящей лирической тоски. Известно, что годы служения Прекрасной Даме сменились другими жизненными встречами: Незнакомка, Фаина, Кармен. Это были годы блуждания по загородным кабачкам и трактирам последнего разряда, ночи хмельной песни и пляски, частая смена увлечений.

Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз (II, 120).

Черный шлейф, забрызганный звездами, как хвост кометы, цыганская шаль, траурные страусовые перья — такова костюмировка этого акта его жизни. Исступленные взвизги смычков, бряцание мониаста, гармоника и доминирующий бубен — вот аккомпанемент этих лет. «Пьяницы с глазами кроликов», трактирная стойка, ресторанная игра зеркал, «золотое, как небо, Ай», тройка, взвившаяся над бездной, разгул и «всемирный запой».

Стертые лица и пьяные бредни,
Карты... Цыганка поет (II, 121).

Это те годы, когда

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою... (III, 65).

Это те годы, когда безысходная тоска сменялась хмельным весельем, а похмелье — смертельным отчаянием:

Все на свете, все на свете знают
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет (III, 68).

Иногда, впрочем, это сменяется совсем иными настроениями. Так, матери он пишет (19.I.1904) из Москвы: «Хочется свя-

того, тихого, белого» * или же предпосылает целому II тому такие слова:

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой (II, 11).

А вот снова тяжелый период хмеля и раскаяния. Он записывает почти с отчаянием (20.I.1910): «Грехи мои так тяжки, что утром пришла мысль об исповеди. Когда умру, все это прекратится» **. Это не могут быть слова христоробца и уж во всяком случае не тепло-хладного религиозного обывателя. А подобно этой — немало заметок у Блока. «Вечером (30.X.1911) напали страхи. Ночью проснулся, пишу, слава Богу, тихо, умиротворюсь, помолюсь. Мама говорит, что уже постоянно молится громко и что нет никакого спасения, кроме молитвы» ***. Или еще (27.XI.1911): Господи, благослови, Господи благослови. Господи благослови и сохрани» ****. По-видимому, опять какая-то новая душевная борьба после темных ночей, и в дневнике (6.XII.1911) записано: «Знаю все, что надо сделать: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу...» ***** Какая характерная для нас, русских, нотка! А через некоторое время она срывается с лиры поэта вот в таком аккорде:

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалика.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука? (III, 241)

Это, между прочим, посвящено матери; той, которая была особенно близка Блоку. Ей же пишет в одном письме (10.IV.1908): «Христос воскрес. Крепко целую тебя и Францика. Хочу вас обоих перекрестить» ^{6*}. И опять грустно-покаянные замечочки (27.XII.1911): «Лампадка у образа горит — моя совесть» ^{7*}; (29.XII): «Приближается Новый Год. Господи, дай мне быть лучше» ^{8*}; (24.11.1913): «Да будет тих и светел вели-

* Письма Александра Блока к родным. Т. 1. С. 110.

** Записные книжки Ал. Блока. С. 135.

*** Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 28.

**** Там же. С. 47.

***** Там же. С. 50.

^{6*} Письма Александра Блока к родным. Т. 1. С. 203.

^{7*} Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 60.

^{8*} Там же. С. 64.

кий пост» *; (23.XII.1913): «Совість как мучит! Господи, дай силы, помоги мне» **. Такими словами заканчивается его дневник 1913 года. А там война, революция, пафос новых переживаний, новые увлечения и новые разочарования, «Двенадцать», «Скифы»...

Я подхожу к рассмотрению одной весьма яркой стороны религиозного облика поэта. Я говорю об некоторых специфических переживаниях его, которые правильно было бы назвать «демоническими». Эта сторона его творчества не укрылась от внимательного взора критики. Были даны очень отрицательные оценки творчества Блока с этой стороны. Иногда его хотели бы представить просто сатанистом. Но мне кажется, что о тех минутах в жизни поэта, которые окрасились поистине темными, inferнальными тонами, можно говорить с несколько большей любовью и состраданием. Бесспорно, что Блок был «обожжен языками преисподнего огня» (III, 80), оно закоптило inferнальным дымом его внутренний облик. Не прошли безнаказанно для него минуты, в которые он, наклонившись над адской бездной, заглянул в нее и увидел то ужасное, что на всю жизнь осталось неизгладимым из внутренней памяти сердца.

Не приходится доказывать или оспаривать то, что сам поэт мучительно переживал и в чем откровенно признавался. Ужасом веет от такой, например, заметки (Флоренция, 15.V.1909): «Опять дьявол настиг и растерзал меня сегодня ночью» ***. Блок одно время серьезно читает «Добротолюбие», особенно преп. Евагрия и Антония Великого и все там имеющее касательство к демонологии ****. Самое его творчество в известные годы проникнуто этим особым inferнальным привкусом, и нельзя поручиться, что он в годы близости с Белым не отдал дань какой-то очень не просветленной мистике и чему-то оккультно очень темному. Он пишет в статье «О современном состоянии русского символизма»: «Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мной возникло, наконец-то, то, что я лично называю “Незнакомкой”»: красавица-кукла, синий призрак, земное чудо... Незнакомка. Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего

* Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 186.

** Там же. С. 214.

*** Записные книжки Ал. Блока. С. 110.

**** *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. С. 234; *Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк. Л., 1930. С. 210—211.

и лилового. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона; но всякий делает то, что ему назначено» (VII, 187).

Несомненно, что Блок очень остро переживал эти свои демонические минуты. Он совершенно ясно ощущал дьявола как живую, реальную силу, а не только как какой-то отвлеченный принцип или абстрактную идею. Если рационализм мирится с мыслью о существовании Бога, то с мыслью о дьяволе ему весьма трудно свыкнуться. В лучшем случае он его допускает как отвлеченное понятие. Мы не знаем переживания реальной силы дьявольской. Это знают только подвижники, вступившие в единоборство с ним, всю свою жизнь отдавшие этой аскетической борьбе. Но знают, впрочем, и такие мистически чуткие натуры, как Блок и Врубель. Блок переживал дьявола именно как живую реальность, и в этом ужас Блока. Забыть этот раз увиденный ужас он уже никогда не мог. Он отпечатлелся в его взоре навсегда.

Для всякого, кто хотя бы перелистал Блока, очевидны эти настроения. Были у некоторых толкователей Блока * попытки нарисовать сатанинскую схему всего творчества Блока и цитатами из «Добротолубия» доказать демонический образ поэта. Хотели даже в самой последовательности распределения стихотворных циклов Блока увидеть пародию на структуру православного богослужения, а в «Двенадцати» — предел и завершение блоковского демонизма и пародию на Христа и апостолов с именами красноармейцев: Ванька, Петруха, Андрюха, т. е. апостолов Иоанна, Петра и Андрея. Все это, м. б., и так; несомненно, что Блок был в «прелести» и знал подлинные бесовидения. Но все же за всем этим нельзя забывать и всего остального в его творчестве. Как-то хочется другого суда над Блоком, более справедливого и сочувственного. Тем, кто любит поэта и знает в нем, кроме этих темных теней, еще и другого Блока, лазурного, светлого и детски нетронутого, такие обличения кажутся односторонними и жесткими. Его хотели бы многие причислить к сатанинскому воинству, сославшись для подтверждения того на аскетический опыт отцов «Добротолубия», но хочется верить, что аура Блока все же более светлая. Блок искал, следовательно, впадал и в противоречия, но не переставал искать и под конец жизни нашел и Бога и Христа. Часто с бесспорностью констатируется демонизм поэта в его признании:

* Я имею в виду доклад «Петербургского священника» в «Пути» № 26 за 1931 год, производящий своим обличительным тоном очень тягостное впечатление.

Боюсь души моей двуликой
 И осторожно хороню
 Свой образ дьявольский и дикий
 В сию священную броню (I, 131),

но забывают или просто не дочитывают следующих слов:

В своей молитве суеверной
 Ищу защиты у Христа...

Сатанист так, конечно, не сказал бы. Думается все же, что Блок не был падшим Ангелом. Он был изгнанником из Рая, Рыцарем-певцом Радости-Страданья, был сам глубоко страдающим человеком.

Творческие порывы Блока несли его на сильных крыльях куда-то ввысь над страшными бездонными пропастями. Он искал Красоту, верил в нее, но сам, не будучи достаточно духовно силен, иногда не различал видов этой красоты и в поисках, он, зачарованный колдовскими чарами красоты темной, непросветленной, прельщался ею и поклонялся этой лжекрасоте. Крылья орла были слишком слабы, и он срывался в темные пропасти, разбивался об острые камни и со сломанными крыльями трепетал на дне этой мрачной бездны. В этом трагедия Блока. Он погнался за призраком, и лучшие его произведения, как Прекрасная Дама, оборачивались лживым темным оборотнем Незнакомки — «дьявольского сплава» иных низших миров. Поэтому-то и слышен у него вместо небесных песен часто дьявольский хохот. Блок в своих исканиях не дорос до духовности и от поклонения Красоте не имел сил подняться до поклонения Духу. В этом его эротичность, его прелесть, его непреображенность. Но это не умаляет его исканий, не уменьшает ценности его страданий. Надо согласиться с тем, что Блок «изменялся, но не изменял» *, и в роковых исканиях не вина, а глубокое страдание Блока.

Все это очень созвучно нашей русской душе. И этот демонический привкус, если хорошенько вспомнить, знал у нас не один только Блок. Вспомним столь же двуликого Лермонтова, исповадавшего в Демоне надежду на то, что падший ангел захочет и с небом примириться, любить, молиться, веровать добру, и раскаяться; проблема Демона очень характерна и для творчества Рубинштейна и Врубеля. Реальность личной встречи с дьяволом знал ведь и Владимир Соловьев. Им всем было дано на их творческом пути соприкоснуться с демоническим. В их творче-

* Путь. 1931. № 26. С. 112.

стве это им *попускалось*, как попускаются духовно сильным подвижникам такие встречи на пути их аскетического делания. Аскеты побеждали это своим внутренним деланием; думается, что ни Врубель, ни Соловьев, ни Блок не остались пассивными в этой борьбе. Разве не суть преодоления демонизма реальные встречи Соловьева с «Вечной Подругой — Софией», иконописные дерзания Врубеля, Ангел Лермонтова и «святые, тихие, белые» прозрения Блока. В одном из томов «Добротолубия» Блок подчеркнул среди многих мест, говорящих об унынии и помыслах, также и слова о том, что демон — «дух печали» и что он символизируется ехидной, яд которой в малом количестве уничтожает другие яды, а принятый неумеренно — убивает. На полях приписка Блока: «Этот демон необходим для художника» *.

Этот демон его давил и преследовал, и самое веселье поэта делал невеселым. «Унылое» увидел он и в христианстве, и яд ехидны отравил его восприятие Евангелия. Примирение с Христом произошло уже только перед смертью. Ближе знавшие Блока вспоминают о нем, как о ребенке. Как-то мирилось в его душе и эта детскость, и громадный опыт трудной жизни: и простодушный младенец ** и «высокий, сгорбленный старик». Особенно дорого то, что все ухабы жизни, «вино и страсть», цыганщина не осквернили его души. Это все к нему пристало. Это трудно приемлемо для ригористической морали. Блок до конца остался каким-то чистым младенцем.

Его чистота проявлялась и в отношении к смерти. Он, по свидетельству близких, любил, например, сам класть в гроб покойника и хотя иногда и боялся смерти ***, но воспринимал ее с большой зрелостью. Есть разные подходы к смерти. Или трусливое, паническое, отчаянное, и оно свидетельствует о неспокойной совести, о власти нераскаянного греха, или вызывающее, наигранное. Это бретерский подход: стоя под дулом пистолета, поплевывать косточки черешен. Но это не свидетельствует о примиренной с Богом душе. Есть тихий, трезвый, без ломания рук и без истерических воплей взгляд в лицо смерти. Так переживают смерть в монастыре или люди очень чистого сердца. И пусть это парадоксально и несовместимо с ригористической

* *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. С. 234.

** *Бекетова М.А.* Веселость и юмор Блока // О Блоке / Под ред. Е. Ф. Никитиной. М., 1929. С. 7; *Гунпиус З.* Мой лунный друг // Окно (Париж). 1923. № 1. С. 108—117.

*** Записные книжки Ал. Блока. С. 131.

моралью законников, но падения Блока не осквернили чистоту его сердца. Он смотрел спокойно в лик смерти.

В статье о символизме он говорит: «Мы пережили безумие иных миров, преждевременно потребовав чуда... Но есть неистребимое в душе — там, где она младенец. В одном месте панихиды о младенцах дьякон перестает <просить>, но говорит просто: «Ты дал неложное обетование, что блаженные младенцы будут в Царствии Твоем» (VII, 193).

И хочется вместе с Блоком верить: «не погибнет, а воскреснет», верить с блаженной младенческой верой:

Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да внидут в Царствие Твое (III, 347).

Долг всех, кто любит Блока, а нарочито пастырский долг — молиться о нем и том, чтобы облегчился его вход в вечное Царство, где нет болезни, печали и воздыхания. Это было бы завенчанием его духовного пути, пути противоречий, исканий и страданий.

